

Н. А. ГИЛЬМУТДИНОВА
N. A. GILMUTDINOVA

ФИЛОСОФИЯ И МИРЫ ВОЗМОЖНОГО PHILOSOPHY AND WORLDS OF POSSIBLE

Выявляются разные модальности философского мышления; анализируется историческая смена представления и обоснования мира сущего, должного и возможного; подчеркивается актуальность и своевременность продолжения основополагающей работы философии: открытия и расширения пространства возможного

Different modalities of philosophical thinking come to light; historical change of representation and justification of the world real, due and possible is analyzed; relevance and timeliness of continuation of fundamental work of philosophy is emphasized: opening and expansions of space possible

Ключевые слова: специфика философии, модальность мышления, действительность, сущее, активность, критика, должное, возможное, смыслопорождение.

Keywords: specifics of philosophy, thinking modality, reality, real, activity, criticism, due, possible, sense birth.

Философия до сих пор старалась объяснять или изменять мир,
тогда как собственное ее дело – умножать возможные миры.
М. Эпштейн

Классифицируя и анализируя высказывания о мире, формальная логика использует термин «модальность» (от лат. *modus* – образ, способ), подразумевая за ним дополнительную информацию о характере зависимости между предметами и формами мысли, о логическом статусе суждений, об оценочных, регулятивных и других характеристиках высказываний о мире. Формы проявления модальности суждений исследуются модальной логикой, - обширной, относительно самостоятельной и быстро развивающейся отраслью современной логики.

Так, к самым распространенным можно отнести модальность *алетическую*, или истинную (от греч. *aleteja* – истина), которая выражает характер связи между мыслимыми предметами, а, следовательно, между субъектом и предикатом суждения. Выражается модальность с помощью слов «возможно», «необходимо», «случайно» и т.п. Алетическая модальность предполагает три основных вида суждений: асерторические (суждения о существовании, о действительности предмета мысли); проблематические (суждения о возможности чего-либо); аподиктические (суждения о необходимости чего-либо).

Эпистемическая, или познавательная, модальность (от греч. *episteme* – знание) переносит акцент на степень достоверности и характер знания. Модальными словами здесь будут «доказуемо», «недоказуемо», «опровержимо» и их синонимы. Согласно своему подходу, эпистемическая модальность различает суждения, основанные на вере, и суждения, основанные на знании. *Деонтическая*, или нормативная, модальность (от греч. *deon* – должное, нужное) призвана акцентировать регламентированность, упорядоченность деятельности людей, нормы их поведения и общения. Модальными словами являются такие: «обязательно», «разрешается», «запрещается» и их аналоги. Употребление деонтической модальности дает возможность различать суждения о наличии / отсутствии какой-либо обязанности, суждения о наличии / отсутствии какого-либо права. С помощью *аксиологической*, или ценностной, модальности (от греч. *axios* – ценный) выражается отношение человека к ценностям – материальным и духовным, вечным и сиюминутным, социальным и индивидуальным. Основные модальные слова – «хорошо», «плохо», «безразлично» (в ценностном отношении).

Однако в данной статье формально-логический, как, впрочем, и вероятностно-математический подходы в аналитике модальностей дополняются философско-метафизическим, для которого

предоставляется повод говорить о вечной проблеме осмысления философской работы, предмета, смысла и способов философствования.

Для профессионального философа стало уже штампом разделение модальностей мышления о мире сущего, должного и возможного. Этот путь позволяет проблематизировать не только саму философию, ее традиции, строй и историю, но и выявить особое место и роль философии в опыте мыслительности человечества в формах науки, искусства, религии, этики, политики и права, обыденного сознания и пр.

История философии может быть представлена как смена модальностей: как метафизика сущего, метафизика должного, метафизика возможного. Эта схематика, безусловно, утрирована (в каждой значительной философской концепции присутствуют и изыскательная презентация действительности, и повелительные акценты как результат скептицизма и критицизма, и, конечно же, свободное смыслопорождение в модусе «бы»), но выявить тенденцию она все-таки позволяет.

В период становления, раннего самоопределения философия (по Аристотелю – *наука как мудрость* о первопричинах и первоначалах) мыслит в модальности существования. Наука также незаменима в описании и объяснении сущего, ее цель и ценность – истинные знания о мире, она привязывает мышление к фактам действительности. Наука сначала выдвигает гипотезы, а потом, шаг за шагом, подкрепляет их фактами, тем самым приходя к теории, когда модальность предположений сменяется модальностью утверждений. Таков путь зрелого научного ума, завоевывающего право на теорию. Долгое время философия строила наивно-онтологические схематики, а потому формировала и отстаивала научный дискурс. В философии на протяжении столетий выдвигались теории, служащие достаточным основанием для объяснения фактов и авторитетного подкрепления практической деятельности; позже приходит осознание гипотетичности всех этих утверждений. Так зрелый ум философа завоевывает право на гипотезу.

Бурный расцвет науки подвигает философию к осмыслению и отказу от наивно-познавательного подхода к действительности (вспомним революционные идеи И. Канта). Акцент переносится на критически-конструктивную работу, происходит переход в модальность долженствования. Должна ли философия изменять (улучшать) мир? На этом пути философский дискурс неизбежно идеологизируется, обретает повелительный голос и утопическую форму. В разные эпохи подобного рода попытки (от «Государства» Платона до «Государства и революции» В.И. Ленина) жертвовали реальностью в пользу идеи, но и философия терпела ущерб, бросаясь в эту переделку и превращаясь в служанку идеологии. Интенция творческого зановосозидания сущего, дерзновенно-всесильного управления действительностью терпит крах в эпоху постсовременности вместе с распадом тоталитарно-идеологических государств.

Да и критические штудии философии к концу XX века постепенно исчерпываются во все более бескомпромиссной и утончающейся критике мира, человека, Бога, мышления, философии и самой критики усилиями скептиков, Р. Декарта, И. Канта, К. Маркса, Ф. Ницше, позитивистов, экзистенциалистов, феноменологов, постструктуралистов-деконструктивистов. Действительно, результатом более чем двухсотлетней философской критики, последовательно разрушавшей все иллюзии, в качестве единственно позитивного остатка предстают как первореальность у К. Маркса – материальное производство (предмет экономического знания), у «философов жизни» – жизненный инстинкт (биология и физиология), у фрейдистов – бессознательное (психология и психоанализ). Далее – лингвистический переворот в гуманитаристике, состоящий в обращенности к анализу языка, несущему в себе все философские проблемы, а потому нуждающемуся в четкой наладке, в результате которой будут четко формулироваться эмпирически проверяемые высказывания, вымывающие следы пребывания в нем метафизики. Тем самым, своими же критическими усилиями философия намечала (подсказывала) разнообразным наукам пути к «замещению», вытеснению собственно философского дискурса. Но если логический позитивизм показал невозможность фактического подтверждения философских положений, то постмодернистский деконструктивизм в наши дни констатирует: эти положения невозможно адекватно выразить и осмыслить (в них нет истины и определенности). Сама философия деконструируется, ведь у нее остается лишь неискоренимая привычка писать, оставляя следы на бумаге, а потом их стирать, сжигать в «золы неясный прах» (Ж. Деррида). Можно согласиться с тем, что «такие декларации есть несомненный симптом радикального поворота от одного типа философии к другому. Этот поворот, по сути, раскрывает ситуацию рождающегося в ином состоянии (*модусе* – Н.Г.) сознания. Это новое сознание иначе преобразует (придает смысл, созерцает, конструирует) целостность различных социально-культурных форм, тем самым иным образом организуя свое собственное местопребывание и связь с ним» [2, 44-45].

Итак, философия в модальностях сущего и должного наращивает, а затем исчерпывает свои универалистские устремления - обнаруживая тщетность толкований в прозрачном для разума

созерцании того, что *есть* в мире и как он устроен; соблазнов теоретической точности и практического могущества в представлении, чем *должен быть* мир перед лицом философии (и чем *должна быть* перед лицом мира сама философия).

Важно здесь отметить особую связь философствования с модальностью возможного. Об этом писали практически все выдающиеся мыслители, и в нашу задачу не входит последовательный историко-философский экскурс. Большое влияние на обращение автора к этой проблематике оказала книга М. Эпштейна «Философия возможного»[1], которая емко, современно и своевременно протраивает вариант метафизики – метафизику возможного, декларируя при этом свой возможностный характер, признавая возможность иных метафизик. Во многом разделяя идеи М. Эпштейна, автор этих строк оставляет за собой *возможность* их коррекции и оспаривания.

Начну с явного, зафиксированного еще скептиками, противоречия ограничения / расширения философской мысли со стороны модальности возможного. С одной стороны, если мы высказываемся о действительности, объективно описываем положение вещей, то модус возможного в наших суждениях будет сужать их действительность («возможно», «вероятно», «может быть»). Такой шаг важен для осознания меры рискованности претензий на истину, он возвещает об опасности заблуждений. С другой стороны, в этой точке скептической (критической) умеренности возможное открывает расширяющие основы мышления философа, выходящего за границы сущего.

С самого начала философия сомневается в самотождественности предмета. Философ начинает с непонимания простого, сомнения в очевидном, задаваясь вопросом: *как возможно?* В этом смысле философ все усложняет и запутывает. Долгим путем размышлений с нуля, он приходит (или не приходит) к многотрудному пониманию простых вещей не потому, что такие они есть, а потому, что он такими их смог помыслить. Конструктивная возможность философствования в том и состоит, что в каждом действительном предмете открываются его иное (иные), его возможность (возможности), - мир «если бы».

Так начинается работа философии: поиск ответов на изначальный вопрос *как возможно?* через исследование условий этой возможности. Может ли предмет быть другим? Сколько возможно версий сущего? Может ли их вместить размышляющий разум? Сколько возможно вероятных миров? Модальность сущего ограничивается одной действительностью, тождественной самой себе. Модальность возможного обеспечивает множество версий сущего, множество иного. Таково по своей природе философствование – это инакомыслие.

Значит, мир представляется философом иным, принципиально отличающимся от действительного. То есть мы имеем дело с новыми классами объектов. Что о них можно сказать? Как их выразить? У-слов-ность слов понятна философии: открывая в предмете его иное, его возможность, слово согласно на смену имени, на пере-именование. Или операция определения: она, выявляя существенное, *о-пределивает* мыслимое, а, обобщая, расширяет возможности другого – потенциального, идеального, мыслимого.

Ограничивающе-расширяющая природа возможного может быть эксплицирована и по-другому (по-иному). С одной стороны, множество потенциальностей при переходе в действительность могут схлопываться, предоставляя путь лишь одной возможности, которая исключает реализацию всех иных. Такую возможность назовем альтернативной. С другой стороны, одна возможность может быть реализована в разных формах, разными способами, в разных предметностях (если вспомним Платона, к примеру, и его анализ красоты, - возможности быть красивым). Такая возможность называется универсальной. Первый вид возможностей ограничивают реальность на фоне многообразия вариантов, а второй – ведет ко многим реальностям на основе одной возможности. Мировой процесс совершается, бесконечно проходя через модальные воронки переливов от универсалий к альтернативам, и наоборот. Мир событий уникален, здесь одна возможность безвозвратно исключает другие. Мир сущностей сдвигает модальность возможного в другую сторону, когда наше мышление поворачивается от множества вещей к их общему качеству.

При этом, каким бы ни было событие уникальным и эксклюзивным, его смысл для мыслящего человека раскрывается только в круге возможностей (неосуществленных и даже неосуществимых). Иначе говоря, реальное может быть осмыслено лишь в точке его расхождения с возможным.

Наша мысль, выходя из мира действительного в возможный мир, начинает множиться и ветвиться. Вопросание философа – это вопрос, обращенный к миру от множества его потенциальностей. Специфика философской мысли состоит в постоянном расширении сферы мыслимого возможного, и в последующем исследовании смысла сущего. Эта непрерывная смена модальностей способствует переходу от экзистенциального к возможному, от него – к универсальному, эссенциальному, и далее – к уникально-индивидуальному, и – возможно – к потенциально-софийному.

От Аристотеля идет традиция усмотрения истоков философии в удивлении. Удивляется мыслитель, и его мысль способна удивлять слушателей. Удивляет нас многое, но к философии обращает удивление не информационная составляющая факта или его событийной нагруженности, а удивление его (факта) возможности, соотнесение сущего с его возможностями.

Философия поэтому не изобретает предметы, исследует то же, что и другие науки, только не в модальности действительного, а в модальности возможного. Терминологически это различие закреплено словами «логос» (знание) – в случае науки – и «софия» (мудрость) – в случае философии. Область фактов принадлежит знанию, ученый знает; область возможного – мудрости, философ может знать. Потенциальность мышления, не ограниченного верой или научной аксиоматикой, и есть мудрость. Знание актуально, а мудрость потенциальна. Философия, появившись в мире даже не как сама мудрость, а как любовь–стремление к ней, потенциальна вдвойне.

Современная информационно-техногенная цивилизация – поистине цивилизация возможностей. Вся реальность – чередование возможностей, их перекрестье, скольжение на грани «если бы», взаимное состязание в игре возможностей, каждая из которых реализуется весьма редко и избирательно. В повседневной жизни господствует сослагательное наклонение: каждый живет на кредитные средства (они могли бы быть заработаны), платит страховки (некий аванс за услуги, в которых может возникнуть нужда). Мы платим за возможность приобретения автомобиля, за возможность лечения; покупая абонементы, мы оплачиваем возможность передвижения по городу или возможность посещения бассейна. Все возможности жизни потребителя просчитываются с максимальной полнотой и точностью. То же – в мире политики, бизнеса, образования, досуга. Платя за товар или услугу, мы оплачиваем возможность «вдохнуть океанскую свежесть», «обрести стройную фигуру» и т. д. Реальность, тем самым, вытесняется имиджем и рейтингом, виртуализируется, стираются грани подлинности. Эти процессы разрастаются и ускоряются на основе достижений информационных технологий, мульти-медиа, Интернет-коммуникаций, порождающих и множачих виртуальную интерактивную реальность [см. об этом подробнее: 3]. Создается непрерывная цепь, даже скорее сеть возможностей, «реальные» звенья которой становятся все более трудноуловимыми.

Тем самым смена модальности философствования, точнее – прояснение изначальной «возможностной» природы философии – эпохально-цивилизационно детерминировано, актуально значимо не только для самоопределения и самопреодоления философии, но и для ее последующей созидательной работы в мире культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эпштейн М.Н. Философия возможного: - СПб.: Алетейя, 2001. – 334 с. – (Тела мысли).
2. Брысина Т.Н. Онтологические основания философии // IN MEMORIAM: Владимир Ильич Белозерцев: сборник памяти Белозерцева В.И. – Ульяновск: УлГТУ, 2015. – 329 с. – С. 42-52.
3. Гильмутдинова Н.А. Социально-философский смысл феномена информации // Вестник УлГТУ. – 2015. - №1 (69). – С. 24-28.

